

Россия — 2004 — 29 июля — 4 авг. — с. 14

«Дал волю... Берите!»

Заветная мечта Шукшина — фильм о Степане Разине — осталась неосуществленной

Марк Волоцкий

В дни юбилея Василия Шукшина немало слов было сказано и еще прозвучит — о нем, о его таланте, о великой и мятежной душе его. Но мы сегодня поведем речь о несбывшемся замысле гения — о фильме «Степан Разин».

«Он, наверное, им родился...»

Судьба Разина уже не раз привлекала внимание кинематографистов. Еще до революции, в 1914 году, на экраны вышла грандиозная киноэпопея, поразившая зрителей как игрой актеров, так и размахом массовых сцен. Постановщиком Григорий Либкин. В роли Разина снялся В. Полливанов.

В начале 30-х годов «великий немой» заговорил. Гринула эра звукового кино... и кинематографисты вновь обратились к образу Степана Разина. Постанов-

щики немой фильма «Тихий Дон» Правов и Преображенская в 1939 году сняли фильм «Степан Разин» с Андреем Абрикосовым в главной роли. В этой картине, сделанной в духе сталинской эстетики, не внутренний мир Степана Разина определял развитие действия, не его сокровенные мысли о вечном стремлении человека к свободе. Советскому кинематографу тех лет было не до мыслей о вечном. Но массовые сцены поражали, да и образ главного героя получились поистине былинными.

Шукшин видел эти фильмы, еще будучи студентом Института кинематографии, но свое слово об этом, говоря словами Пушкина, «единственном поэтическом лице русской истории», он сказал на страницах сценария фильма о Разине и киноромана «Я пришел дать вам волю». На вопрос, почему именно Разину он отдал столько лет неистового тру-

да, проламывая в течение долгих восьми лет стену, воздвигнутую чиновниками, Шукшин отвечал: «Степан Разин не только история, он живет и поныне во плоти и крови, народ словно видит его живым и поклоняется его непреходящему вольнолюбью, бесстрашию, самоотречению, презрению к смерти...»

Мама Василия Макаровича, Мария Сергеевна писала в одном из писем автору этих строк: «Вот о Степане Разине — он, наверное, им родился, всю жизнь о нем мечтал: он еще ходил в шестой класс и пришел, у меня спрашивает: «Мама, а ты о Степане Разине песню не знаешь?» Я отвечаю: «Нет, не знаю, кто знает». «Мама, сходи, пожалуйста, спиши, мне ее надо». Он его изучил крепко. Он мне много о нем рассказывал».

Сестра Шукшина Наталья Макаровна вспоминала: «Когда он приезжал ко мне, то

все ходил, ходил по комнате и говорил: «Я найду правду». — «Где ты ее найдешь, Вася? Правда-то где-то по закоулкам ходит...» — «Нет, я ее все равно найду, я ее, как Степана Разина, обязательно выведу наружу».

«Такого мужика загубили...»

В своей заявке на литературный сценарий фильма о Разине Шукшин утверждал: «Написано о Разине много. Однако все, что мне удалось читать о нем в художественной литературе, по-моему, слабо. Слишком уж легко и привычно шагает он по страницам книг: удалец, душа вольница, заступник и предводитель гольцыбы, грек божий, воевод и дворянства. Все так. Только все, наверное, не так просто. Он — национальный герой, и об этом, как ни странно, надо забыть. Надо по возможности суметь «отнять» у него прекрасные легенды и оставить человека. Народ не утратит Героя, ле-

генды будут жить, а Степан станет ближе».

1 августа 1967 года на Киностудии им. Горького состоялось обсуждение литературного сценария о Степане Разине. В этом многообещающем, благожелательном и по-настоящему глубоко обсуждении приняли участие 13 человек. Было решено приступить к следующему этапу работы и послать сценарий в Комитет по кинематографии. Отсюда берет отсчет многострадальная история попытки Шукшина осуществить в кинематографе свой главный замысел.

— Мне кажется, — говорил Шукшин на обсуждении сценария, — пришла пора говорить о нашей истории так, как она происходила. Я с жадностью читаю правду о наших исторических событиях. Я ограничил себя сознательно раскрытием движения через характер Разина, с мечтой о свободе русского человека...

Несмотря на давление установок Комитета по кинематографии (сокращение объема сценария вообще и в частности моментов, отражающих жесткость Разина), главный редактор II творческого объединения Киностудии им. Горького А.З. Афиногенов, в годы войны летчик-штурмовик, секретарь парткома студии, мужественно заявлял на худсовете:

— В этом сценарии господствует одна логика — логика художественного мышления. А она торжествует, эта логика, она берет в полон, и с ней ничего не сделаешь, потому что это написано Художником.

Участники обсуждения поддержали главного редактора. Но под давлением Комитета по кинематографии вынуждены были подписать приказ о консервации работ по Разину (спустя пять лет после заявки, датированной мартом 1966 года).

За день до этого, столь горького для Шукшина события он писал директору студии: «В соответствии с договоренностью с Комитетом по кинематографии... я намерен приступить к постановке фильма на современную тему при условии, что работа над сценарием о Степане Разине и некоторые подготовительные работы по этому фильму («Степан Разин») мной и моими помощниками будут проводиться. В связи с этим я просил бы, чтобы в приказе о запуске нового фильма это обстоятельство было оговорено как-то». Новый фильм назывался «Печки-лавочки». В нем Шукшин хотел снять своего героя — его встречу с Разином. Хотел, но не удалось. В Ялте вовремя не была построена декорация.

Актриса Лидия Федосеева-Шукшина вспоминала: «Когда Шукшин заканчивал роман о Разине, то последнюю главу писал ночью. Просыпаясь, четыре утра. Слышу, где-то ребенок рыдает. Я на кухню, гляжу — Василий Макарович плачет. Спрашиваю, что случилось? «Такого мужика загубили, сволочи...»

Он работал до изнеможения, до последних дней жизни, совершенствуя сценарий и веря, что фильм все-таки состоится. Весной 1974 года он обратился с новой заявкой на фильм о Разине, предлагая запустить картину в августе. И вот, когда натурные

Шукшин в образе Степана Разина

съемки фильма «Они сражались за Родину» были закончены, пришла долгожданная весть о запуске фильма... 25 июля Василию Макаровичу исполнилось 45 лет. А в ночь на 2 октября его не стало...

Свет золотой

А сейчас обратимся к кинороману «Я пришел дать вам волю»: «К сорока годам жизнь научила атамана и хитрости, и свирепому воинскому искусству, и думать он умел, и в людях вроде разбирался. Но весь он, крутой, гордый, самонадеянный, несговорчивый, порой жестокий, — в таком-то, жила в нем мягкая, добрая душа, которая могла жалеть и страдать (...). Эту-то другую, добрую, справедливую душу чувяли в нем люди и тянулись к нему, и надеялись, потому что с обидой человеку надо куда-нибудь идти, кому-то сказать, чтобы знали. И хоть порой Степана томило это повальное к нему влечение, он не мог отпихивать людей — тут бы случилась самая жестокая его жестокость, на какую он не помышлял. Он бы и не нашел ее в себе, такую-то, но он и не искал. Он только мучился и злился, везде хотел успеть заступиться, но то опаздывал, то не умел, то сильный его находились... И сердце его постоянно сжималось жалостью и злостью».

Вот фрагмент финала — диалог Степана Разина и Фрола:

— Степан, — раздумчиво, с глубоким серьезным интересом повторил Фрол, — дурацкое дело — теперь спрашивать, к чему ты все это заставлял? (...)

— Хотел дать людям волю, Фрол. Я не скрывать, всем говорил. И тебе говорил, ты

только не захотел понять. Мог-то ты мог — не захотел.

— А что из этого вышло? — вот это, главное, и хотел — не спросить — сказать хотел Фрол.

— А чего вышло? Я дал волю, — убежденно сказал Степан.

— Как это?

— Дал волю... Берите!

«Не может быть никаких сомнений, — писал в своем эссе о Шукшине Валентин Распутин, — речь идет о духовной воле, о внутреннем раскрепощении, об изгнании из себя раба и осознании своей личности».

И хотя кинороман «Я пришел дать вам волю» заканчивался сценой казни, финал фильма виделся Шукшину иным. В один из последних дней натурных съемок фильма «Они сражались за Родину» Шукшин поведал об этом своему другу Георгию Буркову.

«...Бредет по Руси странник, направляясь в Соловецкий монастырь. А святой Зосима Соловецкий был покровителем казаков, так считали. Ведь сам Разин дважды ходил на богомолье в Соловки. Встретив когда-то этого странника, Степан дал ему пеннок с чем-то тяжелым, круглым. Наконец добирается паломник до монастыря, говорит братии: просил меня помолиться за его душу Степан Тимофеевич Разин. Ему отвечают — долго же ты шел, мил человек, атамана нет уже, казнен царем. А вот от него подарок монастырю, отвешает гость и достает из мешка золотое блюдо. Подобно солнцу ярко блестит оно среди серых каменных стен. И свет этот золотистый весел и праздничен...»

«Мы хотели венчаться в кино...»

Евгения Ульяновская

Некоторые считают ее самой народной актрисой нашего времени. Может быть, сказались годы жизни с самым народным писателем послевоенной России — Василием Шукшиным? Сейчас она снимается сразу в двух четырехсерийных телефильмах и ленте Юлия Гусмана «Парк советского периода». Среди других новых киноработ — роль в фильме Петра Тодоровского о Надежде Алилуевой — «Его жена». Есть и театральные проекты. А сегодня Лидия Федосеева-Шукшина рассказывает читателям о себе и о своих близких.

— Лидия Николаевна, почему вы в последнее время перестали выступать по телевизору, давать интервью? — В 1998 году пресс-секретарь Бари Алибасова Людмила Николаева привезла мне целую кипу газет с интервью, в которых многое было переправлено. Вот я и дала себе зарок — 5 лет не общаться с журналистами. К тому же этот «обет» благословил мой духовный отец — архимандрит Никон из Свято-Никола-Шатомского монастыря.

— Вы всегда были глубоко верующим человеком?

— Я — православный человек и всегда во всем вижу промысел Божий. Теперь, вроде бы на исходе жизни — не знаю, как уж Господь пролил мои дни, самое главное для меня — это покойствие. Стала старше, мудрее, всех простила. Стараюсь простить.

— Вам часто приходилось сталкиваться с несправедливостью и терпеть обиды?

— Нет, мне везло на хороших людей. И потом моя ма-

ма была по-настоящему праведной. Ее молитвы хранили меня и детей от темного и злого. И сегодня, я уверена, хранят. Надеюсь, что и молитвы Василия Макаровича нам помогут. Встреча с ним — главное везение в моей жизни.

— Вы часто ездите в Сроки? На юбилей сейчас туда не собираетесь?

— Не поучится. У меня съемки, дочь Маша занята сразу в трех картинах. Но мы с ней обязательно сходим на кладбище, отслужим панихиду за упокой души Василия Макаровича и всех своих близких. Для нас это главное. А тем, кто организовал в этом году фестиваль, примет участие в «Шукшинских чтениях» и придет на Пикет, наш низкий поклон. Мы были на Алтае три месяца назад. Тогда решался вопрос о том, в каком месте поставить памятник Шукшину. Автор монумента Вячеслав Клыков

и администрация края собираются воздвигнуть его на горе. Сестра Василия Макаровича, которая живет в Бийске, против, я ее поддерживаю: в непогоду к горе не пойдешь. Наталья Макаровна написала письмо губернатору Ефимову, но он занял сторону скульптора.

— Чью сторону, по-вашему, занял бы Шукшин?

— Он был бы против обеих сторон, потому что терпеть не мог памятники и бусты.

— Вы ощущаете присутствие Шукшина?

— Я люблю его безумно, свет этой любви до сих пор падает на мою жизнь. Знаю, что когда-нибудь мы обязательно встретимся. И сейчас он с нами, когда я захожу в его кабинет, чувствую, что Василий Макарович рядом.

— Вы не были обвенчаны с ним?

— Он был верующим человеком. Но время было такое, что не до венчания. Василий

Макарович состоял в партии, входил в партбюро Киностудии имени Горького. Это я ухитрилась не вступить даже в комсомол. Мы прекрасно понимали невозможность церковного брака, но разговоры о нем шли. «Ничего, погоди, — успокаивал он меня, — скоро начнем снимать «Степана Разина». Я буду играть Разина, ты — его жену. Я специально для нас написала сцену венчания». Он хотел, чтобы мы обвенчались хотя бы в кино. Не получилось... А вот детей своих тайно окрестил.

— Работать с ним было сложно?

— Одно удовольствие. Ведь просто счастье, когда роль написана для тебя и совсем не надо перевоплощаться. Естественно, я была покорной актрисой, никаких фордыбачений. Хотя я очень люблю баловаться с текстами, импровизировать. Не грубо, а деликатно, но под-

сказывать, пусть это и не касается лично моей роли. Василий Макарович мне даже как-то сказал: «Я мечтаю, чтобы на «Разине» ты помогла бы мне как режиссер-постановщик». Он очень хотел снять этот фильм.

— А в семье с Шукшиным, наверное, не всегда было просто. Ходили слухи, что однажды он чуть ли не с топором за вами гонялся.

— К чему лукавить, Василий Макарович был очень нервным и импульсивным. Пропорционально таланту. В быту, конечно, мне и как жене, и как матери было сложнее, чем в кино. Но я была воспитана в христианском духе, поэтому терпела. Талантливый человек хоть понятно, во имя чего терпел. Я понимала, с кем и для чего живу, и не выступала. Внутренне я достаточно независимый человек. Но семейные ценности для меня очень даже значительны. Думаю, что не для меня одной. Согласитесь, что когда мы собираемся все вместе со своими родственниками, у нас

возникает такое пещерное чувство, что нам всем очень хорошо, правда же? И потом, я люблю покой и определенность. Я даже иногда смотрю мексиканские сериалы, потому что там семейные ценности ставят во главу угла. Вот жалко, что мы не можем уже все собраться за большим семейным столом! Но у меня давно нет ощущения одиночества. У меня есть единение. Оно — мое счастье. А мама и Василий Макарович — они все равно где-то тут, близко.

— К сожалению, звезды тоже плачут. Вам много чего довелось пережить: болезни близких, их внезапный уход. На судьбу не жалуетесь?

— После смерти Василия Макаровича я долго приходила в себя. Ведь беда не приходит одна. Я боялась всего на свете, даже телефонных звонков: а вдруг получу еще одну дурную весть. А потом наоборот — на какое-то время телефон стал просто моим единственным контактом с внешним миром. Я никого не могла и не хотела видеть. И все равно мне жаловаться грех. Значит, это все для чего-то дается человеку — и радости, и страдания. И актрисе, и сельской учительнице. Глупо спрашивать: «За что? Зачем?» А потом, говорят, Бог испытывает того, кого любит.

— После Василия Михайловича вы несколько раз пытались устроить свою женскую судьбу. Некоторые ваши знакомые осудили вас за брак с оператором Михаилом Аграновичем.

— Он прекрасный человек, мои дети до сих пор с ним общаются и любят его. И я всегда его благодарю, хотя редко вижу. Сколько камней в мой и его адрес было брошено... но что поделаешь! Конечно, надо было ходить в черном всю оставшуюся жизнь и рыдать, какая я

Лидия Николаевна и Маша на Московском кинофестивале

несчастная!.. А ведь никто не знает, что было у меня на душе.

— Нескольким лет потом с вами рядом был Бари Алибасов...

— Ну и что? И ему спасибо. Вот мне говорят: «Барик не там ищет истину». Если человек тусуется, это не значит, что у него за душой ничего нет. У каждого из нас свой путь.

— Как вы считаете, Лидия Николаевна, в жизни женщины, несмотря на большое количество браков, все же существует один-единственный мужчина?

— У всех по-разному... Не помню, кто из режиссеров

сказал: «В молодости кажется, что можно много раз менять столы». Ну, когда накрываешь — закуски, горячее... Кажется, что можешь делать это бесконечно. Но в жизни-то это случается обычно два-три раза, а иногда вообще один. Что же касается ошибок, то, как известно, любой человек учится на них. Каждый из нас проходит свой путь и делает свои ошибки. И будет их всегда делать. И должен их делать! Весь вопрос в том, какие это ошибки? А ответ, так или иначе, все равно в конце концов держаться придется. Хотя любить, я считаю, не грех. Грех не любить вовсе.

Шукшин с женой и дочками. 1974 год